

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. БЕЗ ГЕРОЛЬДОВ	5
Глава 2. ОБЕД И РЕЗИДЕНЦИЯ	22
Глава 3. УЖИН И ЕГО ПРОДОЛЖЕНИЕ	32
Глава 4. ПОСЛЕДСТВИЯ АВАРИИ	49
Глава 5. ЛЕДИ БАРБЕР	57
Глава 6. ГРАЖДАНСКИЙ ИСК.	71
Глава 7. ХИМИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ	90
Глава 8. ДАЛЕЕ — УИМБЛИНГЭМ	102
Глава 9. УДАР В ТЕМНОТЕ.	115
Глава 10. ЧАЙ И ТЕОРИЯ	129
Глава 11. ВИСКИ И ВОСПОМИНАНИЯ	147
Глава 12. КТО-ТО ПРОБОЛТАЛСЯ	157
Глава 13. КОШКА И МЫШКА.	169
Глава 14. РАЗМЫШЛЕНИЯ И РЕАКЦИИ	184
Глава 15. ИЗНУТРИ ИЛИ ИЗВНЕ?	191
Глава 16. ГАЗ	201
Глава 17. РАЗМЫШЛЕНИЯ	213
Глава 18. РЕКС ПРОТИВ ОКЕНХЕРСТА	222
Глава 19. ЗАВЕРШЕНИЕ ТУРНЕ	239
Глава 20. НА ВОЛОСКЕ	252
Глава 21. КОНЕЦ КАРЬЕРЫ.	263
Глава 22. СИЛЫ ПРАВОПОРЯДКА ДЕЙСТВУЮТ СООБЩА	278
Глава 23. РАССЛЕДОВАНИЕ В ТЕМПЛЕ.	292
Глава 24. РАЗЪЯСНЕНИЯ В ТЕМПЛЕ	303

Глава 1 БЕЗ ГЕРОЛЬДОВ

— Значит, герольдов нет! — меланхолично произнес его светлость с неодобрением и легким оттенком раздражения.

Не предназначенные никому персонально, его слова остались без ответа, возможно, потому, что констатация столь очевидного факта никакого ответа и не предполагала. Все остальное, что можно было придумать или чего требовала традиция для удобства и отдания почестей ассизному* судье его величества, было на месте. «Ролсройс» величиной с пещеру урчал мотором перед входом в резиденцию, Высокий шериф**, фигура, чуть попахивавшая нафталином, но тем не менее сиявшая в парадной форме Добровольческого полка, давно, правда, расформированного, изо всех сил старался почтительно поклониться, не зацепившись при этом за собственную шпагу. Его капеллан колыхался рядом в непривычных для него черных шелках. Заместитель шерифа в одной руке сжимал шляпу с высокой тульей, в другой — увенчанный резным черепом семифутовый*** эбеновый жезл, коим графство Маркшир по необъяснимой причине счи-

* Ассизы (assizes — *англ.*) — выездные сессии суда присяжных, которые созывались в каждом графстве не реже трех раз в год; дела слушались судьями Высокого суда правосудия. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** В Англии — главный представитель правительства в графстве; выполняет преимущественно административные функции; назначается королевской жалованной грамотой на один год.

*** 1 фут = 30,5 см.

тает необходимым обременять заместителей своих шерифов в подобных случаях. Позади них мрачную, но не менее внушительную группу «послушников» составлял приданный судье штат сотрудников: секретарь, маршал*, дворецкий и слуга маршала. Впереди отряд полицейских с мерцающими в лучах бледного октябрьского солнца пуговицами и значками застыл в полной готовности обеспечить безопасный проезд судьи по улицам Маркхэмптона. Представление было впечатляющим, и находившийся в центре его худой сутулый мужчина в пурпурной мантии и алонжевом** парике отдавал себе отчет в том, что способствует этому не в последнюю очередь.

Однако факт оставался фактом, одиозным, но неоспоримым: традиционных герольдов-трубачей не было. Спущенная с цепи война со всеми ее ужасами уже катилась по земле, и, как следствие, судья его величества вынужден был шествовать к автомобилю, следуя церемониалу не более пышному, чем подобает какому-нибудь послу или архиепископу. Чемберлен летал в Годесберг и Мюнхен, чтобы попытаться спасти традиции, но тщетно. Гитлер о них и понятия не имел. Герольды должны уйти со сцены. Это была горестная мысль, и, судя по выражению лица Высокого шерифа, тот считал несколько бестактным со стороны судьи в такой момент касаться столь болезненной темы.

— Герольдов нет! — с тоской повторил его светлость и чопорно сел в машину.

Достопочтенный сэръ Уильям Хереуард Барбер, рыцарь, судья Отделения королевской скамьи Высокого суда правосудия, как он был представлен на обложке «Перечня дел, предназначенных к слушанию в ассиз-

* Маршал в системе отправления английского правосудия — чиновник суда, сопровождающий судью на выездные сессии.

** Удлиненный парик с массой локонов, спускавшихся на грудь и плечи.

ном суде Маркшира», в начале своей судебной карьеры был по очевидной причине известен как Молодой Брадобрей*. С течением лет прозвище, естественно, сократилось до просто Брадобрея. А в последнее время в узком, но постепенно расширяющемся кругу его стало принято называть между собой Папой Уильямом — по причинам, к которым его возраст не имел никакого отношения: ему не стукнуло еще и шестидесяти. Когда он надевал цивильное платье, смотреть, надо признать, было особо не на что. Одежда обычно неуклюже висела на его долговязом и тощем туловище. Движения у него были угловатыми и резкими, голос — хриплым и слишком высоким. Но в судейском облачении есть нечто, что придает значительность любой фигуре, за исключением разве что совсем уж лишенной всякого достоинства. Свободная мантия скрывала его неуклюжесть, а обрамлявший лицо длинный парик усиливал эффект суровости, которую придавал лицу довольно длинный орлиный нос, и скрадывал слабость линий рта и подбородка. Сейчас, откинувшись на мягкую спинку сиденья «роллс-ройса», он выглядел судьей до мозга костей. Небольшая толпа, собравшаяся у входа в резиденцию поглазеть на его торжественный отъезд, расходилась по домам с чувством, что — с герольдами или без оных — ей довелось лицезреть великого человека. Вероятно, именно в этом и состояло оправдание всей церемонии.

Полковнику Хаббертону, Высокому шерифу, с костюмом повезло меньше. Маркширские добровольцы никогда не были особо выдающимся и воинственным подразделением, и трудно поверить, что модельер, который создавал для них униформу, отнесся к своей работе всерьез. Он позволил себе излишнюю щедрость в использова-

* Английское слово «barber» означает «мужской парикмахер», «цирюльник», «брадобрей».

нии золотых галунов, чрезмерную причудливость в обращении с погонями и вовсе уж фатально отпустил вожжи воображения, когда дошел до моделирования шлемов, один из которых в настоящий момент был неловко нахлобучен на колено своего хозяина. Даже в лучшие для себя времена эта форма выглядела фанфаронской. В век же походного обмундирования она и вовсе стала нелепым анахронизмом — не говоря уж о том, что она была чертовски неудобна. Хаббертон, испытывавший жгучую боль в подбородке из-за высокого жесткого воротника, отдавал себе отчет в том, что хихиканье, доносившееся из толпы, относится к нему, и чувствовал себя неловко.

Судья и шериф смотрели друг на друга со взаимным недоверием людей, вынужденно объединенных официальным делом, но прекрасно сознающих, что между ними нет ничего общего. За обычный рабочий год Барберу приходилось иметь дело приблизительно с двадцатью шерифами, и он пришел к выводу, что к тому времени, когда он в ком-то из них обнаруживает хоть что-то интересное, наступает пора переезжать в следующий на его орбите город. Поэтому-то он давно отказался от попыток разговаривать с ними. Хаббертон же, напротив, до своего назначения на должность никогда в жизни не видел ни одного судьи и не слишком бы огорчился, если бы по окончании своих годичных служебных обязанностей не встретился ни с одним другим. Он крайне редко покидал свое сельское имение, где серьезно и эффективно вел хозяйство, и твердо придерживался мнения, что все юристы — проходимцы. В то же время на него помимо воли производил впечатление тот факт, что сидящий перед ним человек представляет самое Корону, и это ощущение немало его раздражало.

В сущности, единственным пассажиром этой машины, который чувствовал себя абсолютно безмятежно, был капеллан. Поскольку так же, как герольды, традиционная по случаю открытия выездной сессии суда цер-

ковная служба была принесена в жертву суровым требованиям войны, никто не ждал от него никаких слов или действий. А посему он мог позволить себе спокойно приклониться к спинке сиденья и наблюдать за происходящим с довольной улыбкой, выражающей безграничную терпимость. Что он и делал.

— Мне жаль герольдов, милорд, — признался в конце концов полковник Хаббертон. — Это из-за войны. Мы получили указание...

— Я знаю, знаю, — снисходительно перебил его светлость. — Не сомневаюсь, что герольды в данный момент выполняют какую-то другую обязанность. Надеюсь, мне удастся услышать их в свой следующий приезд. Лично я, — сказал он после некоторого колебания, — не придаю значения всем этим атрибутам, — повел он рукой, объяв, казалось круговым движением машину, ливрейного лакея на запятках, полицейский эскорт и даже самого шерифа. — Но некоторые мои коллеги придерживаются иного мнения. И уж тем более страшно представить себе, что подумал бы об ассизах без герольдов кое-кто из моих предшественников!

Те, кто знал Барбера лучше, говорили, что когда он выказывал особую чудаковатость или требовательность, то неизменно оправдывал себя ссылками на высокие образцы, установленные его коллегами или, в случае несостоятельности последних, его предшественниками. Перед мысленным взором собеседников вырастало великое сообщество деспотических существ в пурпуре и белизне, не позволяющее скромному Барберу ни на йоту отступить от его праведных обязанностей во имя интересов всего английского правосудия, прошлого и настоящего. Разумеется, Барбер обычно не проявлял ни малейшего желания послушаться их.

— Да герольды-то здесь, — сказал Хаббертон. — И я собственными руками изготовил для них рыцарские плащи. Похоже, напрасно потратил время.

— Вы всегда можете сделать из этих плащей каминные экраны, — любезно предложил судья.

— У меня дома уже три комплекта таких экранов: отца, деда и двоюродного деда. На что мне еще пара?

Его светлость поджал губы, и вид у него сделался недовольным. Его собственный отец был помощником поверенного, а дед — барменом на Флит-стрит. В дальнем уголке его сознания всегда таился страх, что это выйдет наружу и его станут презирать.

«Роллс-ройс» полз вперед, не обгоняя полицейского эскорта.

— Черт бы побрал эту палку! — добродушно выругался заместитель шерифа, с трудом пристроив свой официальный жезл между собой и дверцей машины, в которой ехал вместе с маршалом. — Я на этой должности уже десять лет, и каждый раз мне хочется разбить его в щепки. Удивляюсь, как я этого еще не сделал. Его следовало бы засунуть в холодильник на вечное хранение, вместе с герольдами.

Маршал, простодушный на вид светловолосый молодой человек, посмотрел на жезл с интересом.

— И все заместители шерифов носят с собой эту штуковину? — спросил он.

— О господи, нет, конечно! Это особенность нашего верноподданнического и консервативного города. Вы впервые участвуете в выездной сессии?

— Да, я пока еще ни одной не видел.

— Что ж, думаю, к окончанию турне вы насмотритесь вдоволь. Хотя это не такая уж плохая для вас работенка — две гиней в день и все включено, не так ли? А мне, поскольку обоих моих партнеров и половину штата сотрудников призвали в армию, приходится руководить конторой, да еще и участвовать в этом балагане. Полагаю, вы хорошо знакомы с судьей, да?

Маршал покачал головой:

— Нет. Я встречался с ним всего однажды. Он оказался знакомым моего знакомого и через него предложил мне эту работу. Сейчас, знаете ли, более опытного маршала найти трудно. — Он немного покраснел и объяснил: — Меня не взяли в армию. Сердце.

— Не повезло.

— А поскольку я увлекаюсь юриспруденцией, то подумал, что для меня это шанс. Судья — великий юрист, ведь правда?

— М-м-м. Предоставляю вам самому ответить на этот вопрос, когда вы понаблюдаете за ним подольше. В любом случае вы приобретете полезный опыт. Меня, кстати, зовут Картер. А ваше имя?.. Простите, не уловил.

Молодой человек снова покраснел.

— Маршалл, — ответил он. — Дерек Маршалл.

— Ну разумеется, теперь припоминаю. Судья говорил: «И фамилия Маршалл, и должность маршал». Ха-ха!

Дерек Маршалл принужденно рассмеялся в знак согласия. Он уже догадывался, что ему предстоит еще не раз выслушивать шутки насчет этого совпадения, прежде чем закончится их турне.

Не всякая машина способна двигаться так же плавно, как «роллс», когда необходимо ехать вровень с марширующими в уставном темпе полицейскими. (Кстати, рассуждал в это время Барбер, любой из его предшественников потребовал бы как минимум конный эскорт и к менее достойному сопровождению отнесся бы с презрением. Хаббертон разбередил его рану воспоминанием о том, что его дед поставлял на войну двадцать пять копьеносцев в полном обмундировании.) Арендованная машина, в которой ехали Маршалл и Картер, взревывая, двигалась неуклюжими рывками на самой низкой скорости.

— Когда минуем Маркет-плейс, станет легче, — пообещал Картер. — Там мы их догоним, обгоним и при-

едем в собор раньше... Ну вот! Теперь гони, парень, гони! — велел он шоферу.

Машина рванула вперед, и бездельники, собравшиеся на узкой площади посмотреть на проплывающее мимо Воплощение Закона, прыснули из-под колес в разные стороны.

Бимиш, секретарь судьи, был абсолютно доволен жизнью. Начать с того, что он участвовал в Южном турне, которое по многим причинам предпочитал любому другому. Во-вторых, ему удалось набрать штат — дворецкого, слугу маршала и повариху, — который представлялся ему безоговорочно управляемым и, похоже, не собирался ставить под сомнение ни его авторитет, ни право на ту мелкую поживу, которая может упасть ему в руки за время их совместной деятельности. И наконец, последнее и, быть может, самое важное: заместитель шерифа Маркшира оказался Истинно Хорошим Парнем.

По классификации Бимиша, заместители шерифа подразделялись на Жадных Шельмцов, Добропорядочных Джентльменов и Истинно Хороших Парней. Свою принадлежность к той или иной категории они обнаруживали в первый же момент первого дня ассизов. Когда к подъезду резиденции подавались машины, чтобы везти почетных гостей в церковь и далее на открытие слушаний, Жадный Шельмец не предоставлял никакого средства передвижения секретарю судьи, которому приходилось топтать улицы собственными стопами — а стопы у Бимиша были плоскими — или нанимать такси за свой счет; удачно же подбить счета по поездке при таких лишних тратах, видит Бог, весьма нелегко. Добропорядочный Джентльмен предлагал Бимишу место в своей машине, рядом с шофером, так что к месту назначения секретарь прибывал с комфортом, чтобы не сказать — с помпой. Но Истинно Хороший Парень, который кое-что смыслил в важности места, занимаемого секретарем судьи в общей

иерархии, выделял в его распоряжение за счет графства отдельную машину. Именно в такой машине, замыкавшей процессию, двигавшуюся по улицам Маркхэмптона, и ехал Бимиш в настоящий момент, всем своим толстым маленьким телом подрагивая от удовольствия.

Рядом с ним сидел Сэвидж, дворецкий, — унылый пожилой человек, вечно сутулый, словно его спина за долгие годы почтительного услужения нескольким поколениям судей согнулась навсегда. Он имел репутацию человека, которому был хорошо знаком каждый английский город, входивший в маршруты выездных судебных сессий, и никто никогда не слышал от него ни единого доброго слова ни об одном из них. На полу между двумя мужчинами лежало странное собрание предметов: сумка с блокнотами его светлости, жестяной футляр с его коротким париком, наколенный коврик его светлости и атташе-кейс, из которого Бимиш мог по требованию достать наточенные карандаши, запасную пару очков, коробочку пастилок от кашля или любой другой из дюжины предметов первой необходимости, без которых правосудие не могло осуществляться должным образом.

Бимиш давал Сэвиджу последние инструкции. Они были совершенно излишни, но ему доставляло удовольствие давать их, а Сэвидж, похоже, не имел ничего против того, чтобы их выслушивать, так что никакого вреда это никому не причиняло.

— Как только меня высадят у собора, отвезите все это в здание суда.

— Я только надеюсь, что они сделали что-нибудь со сквозняками в зале заседаний, — скорбно заметил Сэвидж. — Прошлой весной во время слушаний это было нечто ужасное. Судья Баннистер страшно жаловался на сквозняки.

— Если его светлость почувствует сквозняк, это будет беда для всех, — сказал Бимиш, злорадно предвкушая